

Часть I

РАССТРЕЛ

Этот звук Никита Гурьянов никогда не спутает ни с каким другим. Подобная «музыка» сопровождала его многие годы. Били из «калашей» — минимум с двух стволов. И патронов не жалели.

Он нажал на тормоз, поймав себя на том, что рука тянется к автомату, а тело готово прийти в движение и максимально эффективно начать работать для двух главных задач: первая — выживание, вторая — уничтожение противника.

Вот только автомата под рукой не было. И сидел Гурьянов не за рулем БТРа, а в потрепанной черной «волжанке». И дорога не петляла, причудливо охватывая Зеравшанский хребет в Таджикистане, а угловато ломалась между столичных многоэтажек.

Сердце сдавило от недобрых предчувствий. Гурьянов немного сбросил скорость, а потом нажал на акселератор, и машина устремилась вперед.

«Волга», влетев колесом на тротуар и едва не задев урну, свернула во двор, окаймленный шестнадцати- и двадцатичетырехэтажными солидными домами. Именно здесь долбили из «калашей».

В сознании Гурьянова билась одна мысль: «Господи, пожалей, только не это...» Но внутри уже засела заноза — предчувствие обрушившейся беды.

Когда «Волга» со скрежетом затормозила у изрешеченного пулями «Сааба-9-7Х» темно-изумрудного цвета, киллеров и след простыл. Их машина выехала со двора в другую сторону.

Гурьянов бросился к вывалившемуся из салона водителю «Сааба». Тот скреб по асфальту окровавленными пальцами, ладонь его была прострелена насквозь, асфальт залит кровью. Ее было много. Черная кровь на сером, покрытом трещинами асфальте.

— Как же так, Костя?.. Как же так? — произнес сдавленно Гурьянов, нагибаясь над водителем и кладя его голову себе на колено.

Он слишком много видел расстрелянных людей. И знал, что у этого человека нет никаких шансов. Что печать поставлена, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Раненый уже почти перешел в полное распоряжение смерти. И от этого осознания хотелось взвыть волком.

Глаза раненого стекленели. Он попытался что-то сказать, но из простреленного легкого вырвался только хрип. На губах выступила кровавая пена.

— Ники... — все-таки выдавил он еле слышно. И замолчал, слабо дыша. Ему что-то очень надо было сказать. И это что-то еще держало его на земле. — Вика... У нее...

Он замолчал. Теперь уже бесповоротно. И мир вокруг Никиты покрылся льдом, холод от которого продрал до самого сердца. А сердце ныло тупой болью...

Гурьянов аккуратно положил голову убитого на асфальт, подошел к задней дверце.

Пули «калаша» без труда дырявят борта машины. И их смертельные укусы настигают беззащитных, открытых и желанных для них жертв.

— Лена, — Гурьянов судорожно вздохнул.

Жена Кости Лена и его дочь Оксана тоже были здесь. На каждую пришлось не меньше пяти пуль.

Гурьянов сжал кулак, ударил по капоту «Сааба-9-7Х», оставив на нем вмятину, и прислонился лбом к крыше ав-

томобиля. Он ничего не мог поделать — из его глаз покатились слезы. Этого не видел раньше никто — плачущий человек-камень, полковник Никита Гурьянов.

Впрочем, когда взвыла сирена и во двор лихо завернул милицейский «Форд» с надписью «патруль города», полковник полностью взял себя в руки.

— Вы кем приходитеесь потерпевшим? Сосед? — деловито осведомился старший лейтенант милиции.

— Брат, — сказал Гурьянов.

«У меня был брат», — подумал он. И это слово «был» подвело жирную черту, отделило его от близких людей. Теперь их нет на этой Земле. Они всего лишь были...

* * *

Художник обмакнул перо во флакон с красной тушью и сделал несколько завершающих штрихов — отблески в глазах существа, материализовавшегося на ватманском листе. И цокнул языком, с удовольствием оценивая свое творение.

Пожалуй, больше всего в жизни он любил этот сладостный момент, когда тушь ложится на ватманский лист и на белизне бумаги вырисовывается образ, который неясной тенью до того был закован в таинственных пространствах сознания и просился на свободу, а вырвавшись, начал жить собственной жизнью.

— Отлично, — похвалил себя Художник. — Кое-что можем, — он подул на лист, чтобы тушь застывала побыстрее, поставил лист на стол.

Любимая его тема — вэрвольф. Лицо с точеными правильными чертами, в котором начинают проявляться черты зверя. Остальное нетрудно дорисовать в воображении. Вот сейчас зубы обнажатся, станут острыми как бритвы. Вот изменятся глаза, и то, что раньше глубоко дремало в них — настороженность и хищность зверя, — станет их сущностью. Вот покроет кожу жесткая шерсть. И уже волк готов к

броску. Его зубы вопьются в шею жертвы, и волчий длинный язык слизнет горячую, вкусную кровь...

Рисунок действительно получился. Он был искренним, шел из потаенных душевных глубин. Один из тех рисунков, которые Художник предпочитал не показывать никому. У него было дурацкое предубеждение — казалось, что зритель, праздно плящущийся на эти сокровенные картины, крадет частичку существа того, кто вызвал образ, забирает над ним какую-то власть. Звучало глупо, но взаимоотношения творца и творения — область загадочная, неисследованная.

За последние годы он создал целую галерею вэрвольфов, яростных оборотней. Как-то они волшебным образом поддерживали его на плаву, помогали. Человек-волк. Волк-человек. Как ни крути — в последние годы в жизни Художника все крутилось в этой круговерти. И он любил волков...

Он прикрыл глаза. У него было какое-то непонятное, томное, ностальгическое настроение. Лицо волка навяло образы прошлого. Давнего прошлого. Острые зубы, оскал... Ассоциации — по каким только извилистым дорожкам памяти не водят они человека. В сознании возникло лицо Бузы, казавшегося тогда, много лет назад, лицом всего зла этого мира. И вспомнился соленый вкус крови во рту — своей крови. И отвратительный запах, идущий из оскаленного, без переднего зуба, рта Бузы...

Было Художнику тогда четырнадцать лет. Он привычно прогуливал три последних урока и рисовал на берегу Гавриловского пруда старую, покосившуюся, изъеденную временем, трогательную в своей беззащитности и вместе с тем упорно стоявшую не один век церквушку. Шпанята из третьей школы тоже убежали с уроков. И преподнесли ему хороший урок на всю жизнь.

— О, бумагомарака, — завопил один из них, низкорослый, тщедушный и шустрый, с кривым лицом, похожий на беспокойную макаку, подсакивая к Художнику и тыкая

грязным пальцем в чистый лист, на котором только начинала обретать контуры старинная церквушка.

Художник оттолкнул эту грязную лапу. Но тут подоспели остальные. Шесть пацанов. Они находились в таком веселом расположении духа, когда кажется забавным и радостным кого-то унижить.

Щелбан по макушке залепили Художнику такой, что слезы выступили из глаз.

Им очень хотелось развлечься. Двое из них с утречка на нюхались дихлофоса, и им было очень хорошо.

Третья школа не один год являлась оптовым поставщиком малолетних преступников для элитных спецПТУ и воспитательно-трудовых колоний. И связываться с ее питомцами было себе дороже.

— Что я вам сделал? — обиженно воскликнул Художник.

Но ничего и не требовалось делать. Надо было только оказаться у них на пути. Ведь шобла — это не просто группа людей. Это некое самостоятельное существо со своей психологией. Смертельно жестокое существо.

Громкий гогот, глупые подначки. Художника повалили на траву. Кто-то залепил ему башмаком по ребрам.

— Не надо, — попросил он, понимая, что делает ошибку. Шоблу нельзя ни о чем просить. Шобле нравится, когда ее просят, когда боятся, когда унижаются перед ней. Тогда она становится еще агрессивнее.

— Кого, кого ты на х... послал? — завопил предводитель — толстомордый пятнадцатилетний здоровяк, гроза третьей школы и окрестностей, хронический второгодник Буза, нагибаясь и больно хватая Художника за ухо.

Тот застонал и поднялся на ноги.

— Художник! Репин, бля, — скривился Буза.

— От слова «худо», — поддакнул кто-то из шпанят, взял карандаш и поперек листа написал так хорошо знакомое слово из трех букв.

Ох, как им было хорошо! Как они радовались своим выходкам! А из глаз Художника катились слезы. И в горле стоял комок. Его тошнило все больше от запаха, идущего от Бузы. Ему хотелось оказаться подальше от них, главное — от этой омерзительной вони.

— Да пошли вы! — вдруг выпалил Художник. — Гады!

— Ага! — Буза обрадовался и со вкусом плюнул в лицо жертве. Из этой пасти, отвратительной, без одного зуба, вылетела густая слюна и припечаталась на лбу. И Художник утратил контроль над собой. Будто волна приподняла его и понесла. Он кинулся вперед. По комплекции он был раза в два меньше Бузы, но его кулак впился прямо в эту отвратительную морду, точно в нос. Буза от удивления и от боли крикнул, отступил назад, споткнулся и упал.

На миг повисло молчание.

— Ну все! — прошипел Буза с яростью. — Ща тебя в морг увезут...

И шобла споро навалилась на Художника. Его вжали лицом в землю. Сначала ему пытались скормить рисунок, оторвав от него кусок, но потом от этой идеи отказались. Попинали ногами и связали руки проводом.

— Может, «машкой» сделаем? — Бузе шел шестнадцатый год, и он прекрасно знал, как это принято у взрослых уркаганов. А ему не хотелось быть хуже взрослых.

Он взял в горсть лицо Художника... И снова этот отвратительный запах... Художник впился в эту лапу зубами, изо всей силы, так что брызнула кровь.

— Все, пидор! — заорал Буза.

Он совсем озверел.

До того дня Художника никогда так сильно не били. Дрался он постоянно. Иногда ему разбивали лицо, но чаще доставалось от него другим — не от силы и умения, а от бесшешеной злости. Но столь унижительно и жестоко его еще не били. Сознание начало куда-то уплывать.

— Кусается, бля! — Буза подпрыгнул, хотел призем-

литься ногами на спину, но поскользнулся. — Ничего, бля...

Художник поднял залитые кровью глаза, встретился с Бузой взором и понял одно — тот хочет его убить. Он хочет переступить черту, отведать крови.

— Козел, — упрямо прошептал Художник...

— Буза, да хватит с этой мелкоты, — крикнул кто-то из пацанов. — Он уже воняет.

Часть шоблы растеряла задор, понимая, куда идет дело.

— Бздите, да? — крикнул Буза.

Никому не хотелось признаваться, что он «бздит». Они расступились.

Художник увидел в руке Бузы ржавую тяжелую железяку — что-то вроде гнutoго лома.

— Ну все, бля, — радостно осклабился Буза, сжимая железяку.

А в душе Художника будто лопнула перетянутая гитарная струна. Ушли страх и ощущение беспомощности. Все вдруг отодвинулось. Осталось одно лишь отвращение.

Тут и послышалось громкое:

— Брысь, шкеты!

Голос был задорный.

— Греби отсюда, мужик, — бросил Буза. Он был как не в себе. Ему хотелось использовать металлическую железяку. Очень хотелось. И он не думал, что будет дальше. Не умел думать.

Художник перевел дыхание и прислонился к обожженной, полурасплавленной резиновой шине, которую ему недавно с кряканьем опустили на спину.

На берег пруда вышел невысокий, в кургузом пиджачке, небритый, с алкашным оттенком лица мужчина. Руки его были обильно татуированы. И глаза смеялись.

— Я кому сказал! Брысь! — прикрикнул он.

Шесть подростков. Да еще у одного металлический прут, у другого нож, у третьего бритва — это опасно даже

для самого крепкого мужчины. Они начали приближаться к незнакомцу, оставив на время свою жертву.

— Бунт молокососов? — задорно рассмеялся мужчина. И вдруг с быстротой кобры рванулся вперед, сграбастал первого попавшегося пацана, сгибом ладони захватил шею. Вынырнул из-за пазухи нож, со щелчком вылетело выкидное лезвие. — Его первого режу. А потом — как придется! — весело сообщил незнакомец, только задышал чаще.

Пацаны застыли.

— Психованный, — Буза взвесил в руке прут.

— А ты после него будешь, — пообещал мужчина. — До тебя я точно доберусь, сукин сын!

Буза невольно отступил, что не укрылось от глаз его «шестерок». Шобла колебалась. Шобла была испугана. А испуг шоблы быстро перерастает в панику.

Тут мужчина надавил лезвием на шею своему заложнику, металл вошел неглубоко в кожу, и пацан истошно заорал:

— Дядя, не надо!

— Ты чего, мужик! Ты чего? — Буза отбросил прут.

— Брысь отсюда, шенки! — Мужчина отшвырнул от себя пацана, надав ему пенделя.

Художник видел, что шобла деморализована, и стоит только кому-то крикнуть «атас», как она развалится, и пацаны дернут в стороны, сверкая пятками.

— Ну, — мужчина подался к ним, взмахнув лезвием, — оно сверкнуло молнией.

Тут и послышалось долгожданное:

— Атас!

И тут же шобла рассыпалась.

Художник так и сидел, прислонившись к шине. И всхлипывал. Из носа и из раны на голове текла кровь.

Неожиданный спаситель нагнулся над ним, взял за подбородок, посмотрел глаза в глаза.

— Это ты дуrolому тому нос раскровянил? — спросил он.

— Я, — кивнул Художник.

— Хвалю, волчонок, — усмехнулся мужчина. Он поднял с земли папку для рисунков, отряхнул от комьев земли. Потом взял порванный рисунок. — Знатно сделано.

Он разгладил бумагу и положил в папку. Быстро осмотрел жертву.

— Цел вроде, — сказал он. — Ну что, вытри сопли и пошли. Где живешь?

— За Фабричной. С матерью.

— Она обрадуется, — усмехнулся он.

— Ей все равно. Двенадцать часов. Она уже пьяная.

— Сильно газует?

— Сильно, — с ненавистью произнес Художник.

— Бывает. Ну тогда давай ко мне...

Мужчина жил в Курееве — окраинном районе, состоящем сплошь из дощатых домишек, весьма похожем на латиноамериканские трущобы. Половина строений была возведена самостроем. Здесь прекрасно себя чувствовало самое отпетое ворье из города Дедов, приезжали сюда и из Ахтумска, и даже из Москвы по каким-то блатным делам. Недавно здесь милиция с собаками взяла воровскую сходку. Жить в Курееве, до того не посетив зону, у местных жителей считалось неприличным.

— Вот так и живем, — мужчина завел Художника в дом. — Чаю?

— Если вас не затруднит, — вежливо произнес мальчишка.

Мужчина заварил чай в алюминиевой кружке, поставил ее перед своим гостем, пододвинул блюдце с вареньем. Себе же налил стопку водки, вытащив запотевшую бутылку из холодильника, одним махом опрокинул ее, закусил грибочком и удовлетворенно крякнул:

— Хороша, отрава!

Художник размешал в кружке варенье, отхлебнул сладкого чая.

— Ну как? — спросил мужчина.

— Тошнит немного.

— Настучали по голове. Это бывает. Чай пей. Жидкости надо побольше. Поболит и перестанет.

Художник огляделся. Его поразила стерильная чистота в комнате. Такое ощущение, что каждой пылинке была объявлена непримиримая война. В углу стояла никелированная металлическая кровать с положенными друг на друга подушками, на стене висел ковер с оленями. Художник видел много таких домов — здесь присутствовал какой-то деревенский колорит.

— Ну как тебя зовут-то? — спросил хозяин дома.

— Андрей.

— А я — Анатолий. Фамилия Зименко. Люди Зимой кличут... Хорошо рисуешь, — Зима открыл папку, полюбовался на рисунок церкви, испоганенный рукой одного из шпанят.

— Выбросите, — произнес сдавленно Художник.

— Почему? Не хочешь напоминаний?

— Не хочу! — Художник отодвинул от себя блюдце с вареньем и хотел подняться со стула. Зима мягко, но настойчиво усадил его обратно.

— Ты, пацан, должен в рамку повесить этот рисунок. Чтобы он всегда напоминал, что «хомо хомини люпус эст».

— Что? — удивился Художник и посмотрел в смеющиеся глаза Зимы.

— В переводе с языка древних римлян означает сие, что человек человеку волк.

Это была единственная фраза, которую Зима твердо знал по-латыни. Трудно требовать большего от того, кто после восьми классов школы «учился девять лет в зонавских университетах».

— Не согласен?

— Не знаю, — произнес Художник.

— Знаешь, эти молокососы тебя бы убили. Им надо было убить. Я это чувствую, — у Зимы хищно раздулись ноздри. — Они щенки. А им хочется стать волками... Да, Анд-

рюха, человек человеку волк. Чтобы выжить, нужно быть волком больше других. Как тебе такая простая мысль?

— Я не знаю, — Художник поморщился от боли в ребрах.

— Правильно. Ты пока вообще ничего не знаешь. Вот я тебе и объясняю.

— Зачем?

— Потому что я тебе жизнь спас. И теперь ты принадлежишь мне, если по совести.

— То есть как?

— Шучу, — Зима сказал таким тоном, каким не шутят. — Ладно, — он опять улыбнулся, и Художник поймал себя на мысли, что этот человек ему нравится, и широкая улыбка эта притягивает, и говорит он с ним доброжелательно. — Приходи, как скучно станет, волчонок...

Художнику не хотелось снова приходиться сюда. Зима и притягивал, и пугал его. Но через три дня ноги сами принесли его в Куреево, в этот старый чистый домишко. И снова они пили чай с вареньем. Снова Художник услышал пространную лекцию о волках, стаях, травоядных, которые составляют большую часть человечества и созданы для того, чтобы волки на них охотились.

— Хочешь быть волком — учись у волков, — Зима удовлетворенно погладил себя по тощему животу, плотно обтянутому новеньким тельником.

Позже Художник узнал, что эта идея о волках и травоядных — один из основных философских тезисов воровской идеологии еще со времен царя Гороха. Мол, большинство людей — апатичный, ни на что не годный, травоядный скот, способный только ходить на работу да нагуливать бока в ожидании того момента, когда придет волк — вор, который имеет право брать все, что ему приглянется.

Дальше в судьбе Художника все складывалось, как и у тысяч таких же неустроенных пацанов. Зима начал таскать его с собой, притом не только в Дедове, но и в областной центр Ахтумск, познакомил с людьми. По разговорам маль-

чишка понял, что его новый знакомый пользуется авторитетом и к его словам прислушиваются. В папиросном дыму, под слова фени и звон наполненных водкой стаканов Художник быстро научился понимать различия между гоп-стопниками и домушниками, узнал, чем отличается форточник от майданщика и какие нравы царят за колючкой, у хозяина. Тут же немало наслышался он о самом болезненном для блатных моменте за все послевоенные годы — о новых (то ли фраерах, то ли бандитах), которых прозвали «комсомольцами». Они жестоко, с жадным нахрапом, не боясь ни чужой, ни своей крови, часто не думая о последствиях, атаковали растущие как на дрожжах кооперативы и размножающихся как кролики денежных людей и были готовы на все ради денег. Тогда только начинало входить в обиход понятие «рэкет», и воспринимали его больше как заморское диво.

Зима подкармливал паренька — давал и продукты, и деньги, пусть не очень большие, но такие, каких тот никогда прежде не видел. И наконец в жизни Художника произошло несколько судьбоносных и закономерных событий.

— Пора к делу приучаться, — заявил однажды Зима. — В десять вечера приходишь ко мне.

— А что?

— Узнаешь.

Этой ночью они подломили магазин. В жестяном негсгораемом ящике оставались выручка и деньги для зарплаты.

— Учись, волчонок, — сказал Зима, раскладывая инструмент.

Художник светил фонариком, и в желтом бледном свете Зима принялся за дело.

На ящик ему понадобилось пятнадцать минут, хотя Художнику казалось, что эту жестяную коробку вскрыть человеку вообще не под силу. Вытерев рукавом пот со лба, Зима

перевел дух, потом распахнул дверцу и вытащил несколько тугих пачек денег. Свалил их в сумку и резко приказал:

— Двигаем отсюда в темпе вальса.

Увидев, что Художник хочет прихватить со стола какую-то безделушку, ударил его по руке и прикрикнул:

— Положь! Никогда не связывайся с вещами, если можешь взять деньги.

Когда они добрались до дома Зимы, Художник дрожал — не от страха, а от возбуждения. Ему казалось сейчас море по колено. Он пришел с первого своего дела!

При свете настольной лампы Зима вывалил на стол деньги. Художнику показалось, что их очень много.

— Ух ты, — прошептал он.

— Нравится?

— Неплохо.

— Рот не разевай особенно. Треть — наводчику. Наводка верная. Человек заработал.

— А если бы неверная была?

— Тогда бы он нам заплатил деньги. Если говоришь, что там должно быть десять тысяч, значит, отвечаешь за слова. Ясно?

— Да.

— Ну и тебе перепадет... Или не перепадет, а?

Художник пожал плечами:

— Как скажешь.

— Правильно, волчонок. Не верь, не бойся, не проси — основные заповеди. Да?

— Да.

— Возьми, на мороженое, — от общей кучи Зима отмерил пачку. — Да бери, не укусят.

Уже позже, вспоминая эту добычу, Художник трезво осознавал, что была она не особенно велика. Но тогда он ощущал себя так, как если бы получил наследство от Рокфеллера.

— Только мощной особо не тряси и не трепи никому

языком, — напутствовал Зима. — А то оглянуться не успеешь — на нарах куковать будем.

— Я знаю, — кивнул Художник.

Он не собирался шиковать напоказ, хвастаться. Он просто наслаждался тем, что на некоторое время отступила нищета, в плену которой он томился всю жизнь — все деньги в семье быстро пропивались матерью.

А еще через два дня в Ахтумске произошло другое знаменательное событие. Случилось это на квартире Людки, где собирался отчаянный блатной народ, лилась рекой водка, бывали доступные девки.

— На, — Зима протянул стакан водки Художнику. — Сегодня можно. Поработали хорошо.

Художник проглотил с натугой обжигающую жидкость — раньше Зима не баловал его горячительными напитками, и все поплыло перед глазами.

А потом развязная, полупьяная подруга Людки поволокла его в тесную, душную спальную. Там все и произошло.

Утром после этого им овладело странное чувство: с одной стороны, ликование, легкость, будто у него выросли крылья, с другой — ощущение, будто он, поднявшись высоко, бултыхнулся в самую грязь...

Звонок сотового телефона развеял дым воспоминаний. Художник протянул руку к трубке, включил ее и услышал:

— Художник?

— А кто же еще.

— Этих троих, ну, в общем, все... Но тут проблема.

— Что-что? Какая такая проблема? — спросил Художник.

— Бумаг при нем не было.

— Должны были быть!

— Там мусор, а не бумаги.

— Дома не оставил?

— Вряд ли.

— Ладно. Давай ко мне...

— Стоять, суки! УБОП!

Прибалт оказался быстр, рука его нырнула за пазуху. По оперданным, он постоянно таскал за пазухой взведенный шестнадцатизарядный пластмассовый «глок» и не раз демонстрировал готовность пустить его в ход. Но такого шанса ему предоставлять никто не стал. От собровца, выскокшего из подкатившего фургона-«рафика» с занавешенными желтыми занавесочками окнами, он получил по хребту прикладом автомата и угомонился на асфальте, сипло хрипя и постанывая.

Влад на ходу вылетел из оперативной «шестерки», застывшей перед носом бандитской «оружейной» тачки, синего «БМВ» с тонированными стеклами.

Водитель «БМВ» — рыхлый, пузатый парень по кличке Бобрик — потянулся к ключу зажигания. Нетрудно было догадаться о его планах — сдать назад, скользнув крылом по собровскому фургону, и, сшибив прибалта, оперативников и двух покупателей, попытаться вырваться из окружения. Бобрик — отморозок. Он способен на все!

Двигатель «БМВ» взревел. Бобрик врубил скорость...

— Вылазь, — почти ласково прошептал Влад, высаживая с одного удара рукояткой «стечкина» стекло «БМВ».

А потом — коронный номер Бронепоезда — так Влада прозвали и бандиты, и коллеги: он сграбастал за шкирку восьмидесятикилограммового Бобрика и выдернул его наружу прямо через разбитое стекло.

Тот взвыл, как свинья, которую несут на убой. Но Влад умелым ударом угомонил его.

И вот все пятеро «оружейников» разложены на асфальте в наручниках. Можно перевести дух.

— Класс! — поднял палец вверх Роман Казанчев — начальник отдела.

— Рады стараться, — широко улыбнулся Влад, обнажив белые, ровные зубы, будто специально подаренные их сча-

стливному обладателю для рекламы зубной пасты «Бленда-мед».

— Ну-ка, где железо? — Казанчев открыл багажник и удовлетворенно крякнул.

В багажнике был арсенал — две израильские снайперские винтовки, шесть пистолетов-пулеметов чешского производства и пять килограммов пластита.

Торговцев смертью взяли в самый любимый ими момент — обмена оружия на «хрусты».

Захват прошел удачно. Начиналась рутина.

— В контору, — велел начальник, когда первые формальности были закончены.

В УБОПе оперативников ждало оформление протоколов, разъяснения понятием их прав и обязанностей, съемка изъятого на видео, допросы.

Можно считать, оперативное дело «западников», которое УБОП вел пять месяцев, частично реализовано. Перекрыт один из каналов контрабанды оружия из Латвии в Москву.

Наконец понятые поставили свои подписи в указанных местах под словами «замечаний, дополнений не имеем». К трем часам дня основная часть программы была завершена. Но следователь, сидевший через два кабинета, еще допрашивал задержанных.

— Ну что, братки, смажем успех? — деловито осведомился майор Ломов по кличке Лом, потирая руки. Вопрос был риторическим.

— Кому за бутылкой идти? — деловито осведомился старлей Николай Балабин, прозванный Николем за аристократическую внешность и изредка проявляющиеся «благородные» манеры.

— А чего идти? — Влад полез в шкаф, где плотно на вешалках висела его милицейская форма — зимняя и летняя — на случай строевых смотров или других служебных бедствий. Он покопался за свертками и вещмешками и выудил бутылку.

Закуску наспех приготовили, бутылку распечатали. Первая рюмка прошла как положено — легко и хорошо.

— Здорово ты Бобрика, — хмыкнул Балабин. — Как щенка нашкодившего.

— В первый раз видишь Бронепоезд на боевых рельсах? — усмехнулся Ломов.

— В первый.

— Это зрелище, достойное кинематографа.

— Я Бобрика допрашивал, — сказал Балабин. — Он все не мог прийти в себя. Я ему воды дал. У него зубы о стекло стучат. Говорит: «Ничего, адвокаты через недельку меня вытянут из тюрьмы, я этому жирному брюхо вскрою».

— Это кому вскроет? — осведомился Влад.

— Тебе.

— Так, — Влад встал. — Его еще в камеру не отправили?

— Следователь протокол оформляет, — сказал Балабин.

— Значит, кишки выпустит, — Влад шагнул было к двери, но Балабин его остановил:

— Не суетись. Ему уже СОБР объяснил после этого, и кто он есть, и когда на свободу выйдет. И выйдет ли на своих ногах.

— И что этот отморозок?

— Прощения просил. Слезно и униженно.

— Ну тогда наливай по второй, — Влад уселся за стол.

Снова полилась водка в черные от чая кружки и прозрачные стаканы.

— Ну чтоб враг был повержен! — Влад поднял стакан.

Водка пошла хорошо. День у Влада выдался удачный.

Оперуполномоченный по особо важным делам развеялся. Дело реализовал, можно подзабыть на время о неприятностях последних дней. Да вот как о них забудешь...

Влад разлил по стаканам жалкие остатки водки, которые уже никого не могли вдохновить.

— Ну, — он поднял стакан. — За наше боевое братство!

Звон стекла о стекло. А потом — переливчатый звонок японского телефона на столе.

Звонил начальник отдела Казанчев.

— Влад, вы там чем заняты?

— Рапорта отписываем.

— Мне из горпрокуратуры звонили. Тебя хотят видеть.

— По любителю детей?

— По нему.

— Когда они угомонятся?

— Следак звонил, говорит, что ненадолго. Смотайся к нему. Кабинет знаешь?

— Да знаю. Я там уже наизусть все кабинеты знаю.

— Двигай.

— Наш Бронепоезд уже в пути, — хмыкнул Влад, кладя трубку.

— Чего? — спросил Ломов.

— В прокуратуру тягают.

— Вот недоноски, — возмутился Балабин. — Ведь все знают, как дело было и кто за этим стоит.

— Знают, кто за этим стоит, поэтому и жилы рвут, — улыбнулся Влад, но как-то невесело.

Доза спиртного для его веса в сто пятнадцать полноценных килограммов была несущественна. Поэтому он без лишних сомнений устроился за баранкой своего старенького зеленого «жигуля» пятой модели.

Через несколько минут он уже заходил в кабинет следователя Мокроусова. Политик был уже у него. Еще перед кабинетом Влад услышал обрывок захватывающего разговора — знакомые ему голоса обсуждали, как быстрее получить какой-то долгосрочный льготный кредит. В кредитах Политик был дока.

— Тут проблем у вас не будет, — заверял он. — Я хорошо знаю председателя правления «Бизнес-сервиса». Такие кредиты выдаются, естественно, людям с хорошими рекомендациями.

— Да, есть о чем подумать, — отвечал Мокроусов.

Тут Влад хлопнул ладонью о дверь и зашел в кабинет.

— Уже заждались, — приторно улыбнулся Мокроусов. Он все время улыбался как идиот и поэтому больше походил на менеджера американской фирмы «Собачья радость», чем на следака городской прокуратуры.

Влад устроился на стуле в тесном кабинете и хмуро уставился на пухленького, гладкого Политика, который заерзал на стуле под его тяжелым взглядом и стал как бы меньше ростом.

— Что на этот раз? — недружелюбно осведомился убопонец.

— Так. — Улыбка немножко поблекла на лице следователя. — Поскольку в деле между вашими показаниями имеются существенные противоречия, я вынужден провести очную ставку.

— Валяй, — махнул рукой Влад.

Мокроусов поморщился, хотел что-то строгое сказать, но передумал и принялся разъяснять участникам очной ставки их процессуальные права и обязанности.

— Итак, что вы можете показать об обстоятельствах вашего обыска и задержания? — наконец спросил он у Политика.

— То, что это была заказная провокация, — изрек Политик, приободряясь, как всегда, когда начинал работать языком...

— Поконкретнее, пожалуйста, — потребовал следователь.

— Девятнадцатого марта этого года около девяти вечера ко мне заявился вот этот господин в сопровождении еще нескольких его коллег по работе. Те клеветнические обвинения, которые они мне предъявили, были просто чудовищны. Изнасилование малолетних, педофилия. Мне кажется, молодые люди слишком часто смотрели телевизионные передачи, где об этом журналюги чешут языком.

Влад сжал кулак. Спокойствие, только спокойствие, как говаривал старина Карлсон.

Политик бросил вороватый, немного испуганный взгляд

на убоповца, запнулся лишь на секунду и продолжил заливаться соловьем.

Набор обвинений с его стороны не претерпел изменений: милиция вломилась в его дом — его крепость без каких-либо оснований. Опозорили. Избили, вынуждая писать чистосердечные признания о том, чего и в помине не было. Выбили какие-то самооговоры, которые ничего не имеют общего с действительностью. И так далее...

— И потом, господин следователь, я не столь богатый человек, чтобы разбрасываться такими деньгами, — заявил Политик, барабаня себя пальцами по коленке.

Вот тут и подошли к самому главному, из-за чего и был весь сыр-бор.

— Сколько было денег? — спросил Мокроусов, хотя прекрасно знал и сколько, и как. Но по закону он обязан был спросить и спросил с гадкой ухмылкой.

— Шестнадцать тысяч долларов, цент в цент, — ответил Политик. — Лежали в секретере.

— Вы видели, куда они делись?

— Еще бы я не видел! Этот молодой человек вытряхнул их из ящика и положил себе в карман. Когда я попытался возразить, он ударил меня ладонью в лицо. Учитывая его комплекцию, уверяю, это было весьма болезненно, — немножко иронично улыбнулся Политик, напоролся на все более тяжелеющий взор Влада и опять спрятал глаза.

— Значит, вы утверждаете, что гражданин Столетин похитил принадлежавшие вам шестнадцать тысяч долларов.

— У меня пока стопроцентное зрение.

«Держись», — убеждал себя Влад, сжимая второй кулак.

Политик заерзал на стуле беспокойнее. Но врать продолжал с еще бóльшим воодушевлением.

— Как проходил ваш допрос в УБОПе? — сменил тему следователь.

— Как в гестапо, — развел руками Политик. — Избили, понятно. Этим в нашей стране уже никого не удивишь... Но что он мне говорил! Что говорил!

— Что?

— Якобы в следственном изоляторе уже сообщили уголовникам, что им насильника детей везут. И что меня сразу, извиняюсь, в одно место выдерут...

Влад усмехнулся. Вот тут Политик не врал. Ему действительно обещали все это. И более того — Влад бы сделал что обещал. И били эту тварь — тоже правда. Не сильно, чтобы не умер да следов бы не осталось, лишь чтобы немного опустить, выбить дурь. И Политик поплыл очень быстро. И явка с повинной была. Все было....

Политик являлся ближайшим сподвижником и помощником депутата Госдумы от одной широко известной партии, которая, как мусоросборочная машина, втягивала в свои ряды бизнесменствующих воров и вороватых бизнесменов, влиятельных представителей секс-меньшинств. В принципе не было никого, кого бы туда не приняли за соответствующую оплату. От этой партии, оплота либеральных реформ, и собирался баллотироваться Политик на освободившееся место в Государственную думу по одномандатному округу в одной малонаселенной северной республике. Но главное его занятие — оптовые поставки водки, из которой две трети — «левые».

Все было бы у Политика «тип-топ», досталось бы ему место в Госдуме, да только подвели его немножко нестандартные увлечения и влечения. Он любил мальчиков, притом не старше одиннадцати лет. Охранники его фирмы находили ему детей где только могли — у детдомов, на вокзалах, в трудных семьях. И он не только предавался плотским утехам с детьми, но и записывал их на видик. Кассеты те имели хождение в кругу элитных извращенцев — политиканов, дельцов, а особенно популярных деятелей массовой культуры.

Собственно, с этих видеозаписей все и началось. Сначала Владу попала видеокассета, и он поклялся найти негодяя. И уже потом выяснил, что этим занимается именно

Политик. Только плохо, что на них были дети, однако не было самого извращенца.

Владу удалось установить личность одного из пострадавших мальчишек, чьи родители в среднем один-два раза в неделю ночевали в вытрезвителе или в милиции. Всю жизнь их пытались лишить родительских прав, но никак не лишали. Что есть на свете школа, мальчишка забыл давно и прочно. Иногда он подворовывал, бродяжничал, попрошайничал. Жил по подвалам. И однажды напоролся на «дядю Георгия», как на нож.

Влад отыскал мальчишку в подвале, где тот жил еще с двумя такими же непристроенными, выкинутыми из жизни пацанами. Бедняжка опасался возвращаться домой и до дрожи боялся, что его снова найдет дядя Георгий.

Что было там, на даче кандидата в депутаты Георгия Николаевича Маничева, тридцати пяти лет от роду, неженатого, образование высшее, президента ассоциации «Фонтала» и генерального директора общества с ограниченной ответственностью «Акраме», мальчишка говорить не хотел. Он вообще частично терял дар речи, после подмосковной дачи стал заикаться. Его била дрожь. Он был голоден.

— Сейчас пообедаем хорошенько, — сказал Влад, держа его за руку и направляясь от подвала к своей машине. — Потом поговорим.

Они устроились в небольшом недорогом кафе. Мальчишка ел жадно. Он проглатывал целые куски. И молчал. Влад осторожно, стараясь не растревожить раны, как будто снимая бинты с тяжелораненого, продвигался вперед слово за словом.

Мальчишка, симпатичный, испуганный, шмыгал носом и продолжал угрюмо молчать, когда разговор заходил о «дяде Георгии». Но постепенно он оттаивал. И вдруг разом выложил такое, от чего даже у Влада, выдавшего виды, голова пошла кругом.

Влад добился своего — в отношении Политика возбудили уголовное дело. Мосгорсуд выдал санкцию на обыск.

УБОП подготовил мероприятия по задержанию... И тут все пошло шиворот-навыворот. Охранники ООО «Акраме», которые добывали детей, исчезли из Москвы.

Политика задержали, но богатой видеотеки на месте не оказалось.

Дальше — больше. Влад не смог найти пацана, дававшего показания, тот исчез из детского приемника-распределителя.

С самого начала дело было тухлое. Через трое суток Политика выпустили из ИВС на Петровке, 38. Его встречала толпа адвокатов, журналистов и просто всякой рвани непонятного происхождения и рода деятельности.

Потом появились две статьи в центральной прессе и видеосюжет в телевизионной передаче. О чем? Ясное дело — о палачах-убоповцах, которые, выполняя политический заказ, сделали все, чтобы снять с предвыборной гонки в далекой северной республике представителя демократических сил. Ослиные уши в этих опусах виднелись невооруженным глазом, но цель была достигнута — за Влада взялись всерьез.

Сперва он долго и нудно давал объяснения в прокуратуре, притом далеко не тем людям, которых знал он и которые знали его, кто выдавал санкции на обыск Политика. Это были строгие буквоеды, делавшие вид, что не понимают очевидных вещей. И однажды они возбудили дело о превышении власти в отношении самого Влада.

Влад не связывался с политикой в любом ее проявлении и с политиками в любом их качестве. Где большая политика и большие деньги, там правосудие может отдохнуть — эта истина применима ко всем странам мира, но в России она, можно сказать, абсолютна. Но так получалось, что от политики и политиков Влад никуда не мог уйти — любая серьезная шайка, которую начинаешь раскручивать, обязательно поддерживается алчным политиканом. На Руси бандит и политикан — как молочные братья. Им друг без друга

никуда. И вот Влад наконец влип, пойдя на эту публику войной.

— Что вы можете показать касательно заявлений гражданина Маничева? — повернулся Мокроусов к Владу.

— Все это вранье настолько низкого пошиба, что мне даже совестно его опровергать. Мы провели обыск на его квартире. Он чистосердечно раскаялся. Никаких денег не было. Пальцем я его не трогал. Все...

Протокол. Подписи.

— Вы можете идти, — голливудская улыбка была подарена следователем Политику.

— Конечно, — Маничев встал. Обернулся к Владу. Пряча глаза, змеей прошипел: — Я тебя предупреждал...

Действительно, предупреждал. Визжал, что Влада раздавят, закопают, уничтожат. Визжал, пока не получил легонько по круглой наглой морде.

— Знаешь, поганка, — насмешливо посмотрел на него Влад, — ведь детские слезы неоплаченными не остаются.

— Хватит! — хлопнул ладонью по столу следователь. — Георгий Николаевич, вы свободны.

Политик закивал и поспешно вышел из кабинета.

Улыбка Мокроусова, обращенная к Владу (даже скорее не улыбка, а гримаса), была суровой.

— Ну и что дальше? — спросил Влад.

— А вас я попрошу остаться...

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться», — вспомнились слова из знаменитого фильма.

— Уговаривать «чистуху» писать будешь? — усмехнулся Влад.

— Не буду, — нервно произнес Мокроусов. — Уже поздно для чистосердечных признаний.

Тут в кабинете и появилось двое сержантов — нахохлившиеся, кажется, испуганные, в бронежилетах веселого салатового цвета.

— Он, — следователь указал на Влада. Так говорят «фас».

— Встать. Лицом к стене, руки перед собой, — без особой уверенности взревел сержант, махая автоматом.

— Чего, стрелять в брата-мента станешь? — насмешливо произнес Влад, поднимаясь.

— Руки на стену!

— На стену так на стену.

Сержант пробежал руками по одежде Влада. Вытащил из-за пояса пистолет Макарова. Следователь как замороженный посмотрел на пистолет, облившись холодным потом. Он вдруг представил, что этот здоровяк-опер запросто мог его минуту назад расстрелять, и ничто бы не помешало в исполнении такого плана.

— И что? — осведомился Влад.

— Гражданин Столетин, вы задержаны по подозрению в совершении преступления, — отгарабанил Мокроусов, переведа дыхание, как будто его самого задерживали.

— Ты вообще на кого работаешь? — спросил Влад.

— На правосудие.

— Нет, следак. Ты работаешь на бандитов и извращенцев. А это грех большой, — негромко произнес Влад...

* * *

— Где же ты был, Одиссей, — прошептал Гурьянов.

Одиссей, бороздящий десятилетиями моря, участвовавший в жестоких битвах, набравший груз подвигов, однажды, возвратившись домой, видит, что это уже не его дом. И начинает считать потери.

В возвращении домой есть какая-то мистика. Гурьянов, возвращаясь раз за разом домой, обнаруживал эти самые потери. Они преследовали его, забирая самое дорогое. А еще, возвращаясь, он оставлял часть души в тех негостеприимных краях, куда кинули его злодейка судьба и приказ руководства.

Сколько он, беспокойный Одиссей, обошел стран. Сколько раз участвовал в боях, где разыгрывались судьбы